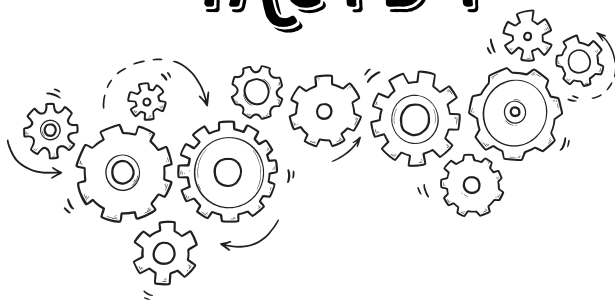

ЧАСТЬ I

ИЗ ДНЕВНИКА ГАБРИЭЛЯ МИРТА
ЛУНДЕНБУРХ, АВГУСТ, 18** ГОД

...Ежегодная выставка достижений все ближе!
А значит, близок и час моего триумфа.

Вчера я привел в действие механизм паровой машины и убедился: все работает. Я добился своего.

Готов поспорить, что нигде подобного не видели еще не только Бриттские острова, но и Континентал. В конце концов, именно у нас наука развивается со скоростью света и позволяет преодолевать законы Вселенной.

Сколько лет мы жили, повинясь природе? Настало время взять над ней верх!

Паровая машина — вершина моего технического гения. Сейчас мне сложно представить, что я могу создать хоть что-то подобное ей. Она представляет из себя огромную повозку из железа, бронзы и меди и способна преодолевать невероятные расстояния!

Колес у нее целых шесть, к паровозу — так я называл повозку — прицеплен пассажирский вагон. И вагонов таких может быть до шести. Таким образом можно перевезти с места на место до тридцати

МАРИЯ РУДНЕВА

головек. Мы и мечтать не могли раньше о том, чтобы за сутки преодолеть расстояния из одного конца Британских островов до другого. И уж точно далеки мы были от мысли, что можно оказаться через двое суток на Континентале!

Двигается эта машина с помощью пара, а значит, приводится в движение при помощи угля. Поэтому я всей душой за то, чтобы проводить раскопки дальше в поисках новых угольных шахт. Я уверен, что моя паровая машина — лишь первый шаг на пути развития технологий.

Я уверен и в том, что именно мне предстоит стать сердцем выставки. Мне обещали большой выставочный павильон, специально отстроенный рядом с ангарами. Вот как важно мое изобретение! Самую территорию выставки расширили ради него! Сдается мне, без вмешательства сэра Фейсона Уилла не обошлось. Было бы обидно его разогаровать, раз моему изобретению придан такую важность заранее. Это доверие бесценно.

По сути, осталась нерешенным всего один вопрос: кому достанется честь сесть за руль паровой машины во время первой ее поездки? Это мне предстоит решить уже сегодня. Светает. Откладывая записки и постараюсь поспать хотя бы несколько часов. Завтра мне потребуются вся моя собранность, чтобы в полной мере оценить репутацию и подготовку кандидатов. Не представляю даже, сколько их будет. Так или иначе, все, что я делаю, я делаю ради великой цели — Просвещения...

Глава 1

АМЕЛИЯ

- Девчонка?!

— Вы посмотрите-ка, и в самом деле девица.

— И что она здесь забыла?

— Не иначе как женихов приехала присматривать!

— Думаете, она из этих? Из самостоятельных?

Толпа разразилась хохотом.

Два десятка мужчин, просто одетых и носящих на макушке заломленные назад кепи, с интересом разглядывали прибывшую.

Мисс Амелия Эконит элегантно вышла из кеба, всем своим видом показывая, что насмешки собравшихся во дворе особняка мужчин ее не задевают. Она гордо вздернула голову и направилась прямо к ним.

— Э, да, смотрите, не иначе угадал? За женихами!

— А как одета! Вы только посмотрите на эту юбку!

— Что под ней? Не иначе штаны!

— А ты, я смотрю, не прочь посмотреть дамочкам под юбки, а, Герберт?

Амелия и это пропустила мимо ушей.

Поправила шляпку, высоко сидевшую на кудрявых золотисто-русых волосах, одернула юбку и пошла к двери.

Мужчины заволновались.

— Это куда это вы собрались, дамочка? — наконец спросил один из них — тот, кого называли Гербертом.

МАРИЯ РУДНЕВА

— Это ведь дом мистера Г. Мирта? — осведомилась мисс Амелия, сверившись с адресом на карточке, которую держала в руках.

— Именно, только вот и не знаю, что бы здесь забыла дамочка, да еще и в такой день!

— Вот именно, — рывкнул другой, сплевывая себе под ноги. — Проваливайте домой, дамочка. Мистер Мирт сейчас очень занят, ему не до свиданий.

— И нам тоже! — выкрикнул кто-то, и толпа поддерживала его довольным улюлюканьем.

Мисс Амелию и это не поколебало. Вежливо улыбнувшись, она повторила:

— Это дом мистера Г. Мирта? Здесь проходит отбор водителей паровой машины?

На мгновение воцарилась тишина. И следом за ней — неудержимый хохот. Мужчины тряслись в приступе заливистого смеха, сгибались пополам, кто-то хлопал рукой по капоту автомобиля или стволу дерева — словом, каждый изо всех сил пытался показать, до какой степени забавными находят они слова мисс Амелии.

Мисс Амелия закусила губу. Казалось, ее наконец проняло.

Она уже собиралась что-то сказать, как вдруг отворилась дверь и с крыльца сбежал невысокий человек в сюртуке, на котором явственно отпечатались следы угля и масла. Мисс Амелия внимательно оглядела его: каштановые локоны так и норовили выбиться из черной ленты, но при всем этом мистер Г. Мирт — а человек этот не мог быть никем иным — производил впечатление джентльмена, а не рассеянного ученого, и тем самым сразу расположил мисс Амелию к себе.

Мистер Мирт остановился перед собравшимися и широко улыбнулся:

— Как же я рад, господа, что вы все решились прийти сюда сегодня. Поверьте, мы стоим на пороге великих

Мирт. Истина короля

открытий и невероятных достижений. Мы с вами творим историю, господа! Прошу простить за долгое ожидание. Приглашаю всех в свою гостиную, где мы с вами поговорим о том, что ожидает нас в ближайшее время. И о том, зачем я устроил этот отбор и в чем он будет заключаться. Ничего страшного вас не ждет — мы просто поговорим.

— А она что, тоже пойдет? — ткнул в мисс Амелию пальцем один из мужчин.

Мистер Мирт перевел на мисс Амелию лучезарный взгляд.

— Если мисс приехала для того, чтобы принять участие в отборе, я буду только этому рад.

— Псих какой-то, — громким шепотом поделился кто-то из толпы.

Мистер Мирт только отмахнулся.

— Идем, господа. Я и так заставил вас задержаться. Ужасно неприлично с моей стороны. Просто кое-что не ладилось в мастерской... Прошу прощения и за это, и за свой внешний вид!

Он помахал рукой, увлекая за собой ожидающую толпу, и мисс Амелии ничего не оставалось, кроме как последовать за ним, продолжая ловить на себе косые взгляды.

* * *

Мистер Мирт торопливо прошел в гостиную, на бегу проведя рукой по каменной голове горгульи, застывшей, словно страж, у распахнутых настежь дверей.

— Возможно, не хватит стульев! — крикнул он и пересчитал собравшихся.

Всего на отбор явились два десятка мужчин и одна молодая особа. Последнему он радовался как ребенок — если она сюда приехала, действительно желая стать водителем

МАРИЯ РУДНЕВА

паровой машины, то это просто подарок судьбы! Конечно, следовало еще подробно ее опросить, да и остальным предоставить шансы, но мистеру Мирту казалось, что он определился еще до начала отбора. Он одернул себя. Нельзя же полагаться на первое впечатление! Надо быть сдержаннее. Особенно когда речь идет о таком важном вопросе.

Он на мгновение встретился глазами с девушкой. Она улыбнулась и сделала шаг вперед, предлагая помощь.

Мистер Мирт, зажав под мышкой дополнительный стул, покачал головой:

— Даже не думайте, мисс!

— Поверьте, мне случалось носить вещи тяжелее банкетных стульев, — усмехнулась она.

— Я — джентльмен, — ответил мистер Мирт. — Будь даже перетаскивание стульев из комнаты в комнату вашим основным делом жизни, я все равно не позволил бы вам делать это при мне.

Девушка сощурилась.

— Стало быть, вы из тех, кто считает, что удел женщины — сидеть сложа руки в беспомощном ожидании?

Мистер Мирт остолбенел.

— Вовсе нет! — смущенно пробормотал он. — Я не хотел вас обидеть, мисс. Просто...

— Просто считаете женщину... слабым полом? — вкрадчиво спросила девушка, подходя ближе.

Но мистер Мирт уже пришел в себя.

— Да если бы это было так... — весело сказал он. — Разве мы с вами бы разговаривали сейчас? Право, вы ведь претендуете на должность водителя паровой машины. Или я ошибся?

— Нет, все так, — ответила девушка. — И все же позвольте мне отнести для себя стул самой.

Мистер Мирт стул не отдал.

Мирт. Истина короля

И попросил девушку выбрать в зале любой стул, который придется ей по вкусу, — мол, этот он все равно решил оставить себе.

Кто-то из мужчин, услышав их перепалку, рассмеялся и поднялся с уже пригретого стула:

— Садитесь, мисс, — крикнул он. — Будьте как дома.

Девушка только покачала головой и вышла в коридор. Мистер Мирт проводил ее задумчивым взглядом. Не иначе как отправилась на поиски еще одного стула. И точно: упрямо принесла тяжелый дубовый стул, поставила его у дверей и изящно села.

Мужчины встретили ее действия новой порцией смеха и унялись только после того, как мистер Мирт взмахнул рукой.

— Итак, — прокашлявшись, обратился он к собравшимся. — Вы все пришли, потому что заинтересовались моим объявлением. Я же прав, предполагая, что среди вас нет случайных людей?

По толпе прокатился гул. Определенно, каждый из собравшихся точно знал, зачем явился сюда. Однако мистер Мирт поспешил уточнить:

— Вы имеете представление о том, что такое паровая машина?

— Ни малейшего! — выкрикнул с места тот, кого называли Гербертом. — Но вряд ли справиться с ней сложнее, чем с норовистой лошадью!

— Здесь вы неправы, — покачал головой Мирт и развернул лицом к собранию деревянный мольберт, который использовал вместо отсутствующей у него в гостинной (по понятным причинам) университетской меловой доски. — Моя паровая машина — совершенное новшество в науке. Ничто ранее изобретенное и близко не стоит рядом с ней. Это изобретение поможет передвигаться на огромные расстояния с невероятной

МАРИЯ РУДНЕВА

скоростью, которая недоступна даже самой быстрой лошади.

— Э, мистер, сразу видно, не разбираетесь вы в лошадях! — вставил Герберт.

— А вы представьте себе, что вот здесь... — мистер Мирт похлопал по рисунку паровой машины, прицепленному к мольберту острой булавкой. — Вот в этом механическом корпусе заключено более трех тысяч лошадей? Точнее — лошадиных, если так можно выразиться, сил.

Собравшиеся удивленно притихли.

— Поверьте, его скорость не сравнима с лучшими лошадьми, с самыми удобными кебами и самыми быстрыми почтовыми повозками! Что уж говорить об удобстве! Ведь на лошади или в кебе невозможно с комфортом пересечь всего за один день все Бриттские острова...

— Это в принципе невозможно! — возразил кто-то из мужчин.

Мистер Мирт отметил, что на лице мужчин отражалось все больше скепсиса, в то время как единственная мисс слушала его внимательно и, казалось, старалась не пропустить ни единого слова.

— Все возможно — теперь. Поверьте, прогресс не стоит на месте. Когда я говорю, что эта машина может — без помощи магии, передвигаясь лишь по железным рельсам, движимая угольной тягой, — в один день перенести нас из Лунденбурха в Эденесбурх, я не фантазирую. Это реальность. И реальность эта вот-вот увидит свет.

Мистер Мирт сделал паузу, чтобы набрать побольше воздуха. Повисла тишина. Кажется, собравшиеся испытывали все меньше энтузиазма по мере того, как мистер Мирт вел свой рассказ.

— Я-то думал, вы ищите опытного извозчика... — с досадой пробормотал Герберт так, чтобы все его услышали.

— Или кебмена! — подхватил его сосед по имени Джек.

Мирт. Истина короля

— Я ищу того, кто сможет управлять паровой машиной! — мистер Мирт поднял вверх указательный палец. — Совсем скоро я представлю ее на Ежегодной выставке достижений. Первая круговая дорога, по которой проедет поезд, почти закончена. Мне нужен тот, кто справится с этой первой — важнейшей — поездкой, ведь на паровой машине проедут самые важные гости — особенные гости выставки!

— Не, — Герберт поднялся и надел на голову засаленное кепи. — Это не по мне. Я-то думал, тут какая-то стоящая работенка... Ну их, эти ваши фантазии, мистер Мирт. Вы развлекайтесь, конечно, а у меня время дорого стоит. Пойду к своей небыстрой лошадке, уж не обессудьте, а она мне как-то родней.

Мистер Мирт растерянно проводил его взглядом.

Хлопнула входная дверь.

— Что ж... — пробормотал мистер Мирт. — Все остальные готовы продолжить беседу?

* * *

Мисс Амелия наблюдала за мистером Миртом и все больше проникалась важностью его изобретения. Еще только увидев его объявление на страницах «Вестей Тамессы», она поняла: грядет что-то необычное. Может быть, великое. И уж точно — важное. Как же она могла остаться в стороне?

После ухода Герберта на время воцарилась тишина.

Казалось, что каждый из присутствующих теперь переосмысливал свое решение явиться сюда. То, что сначала было воспринято как интересный жизненный поворот, резко поблекло в их глазах.

— Серьезно, мистер Мирт? — протянул один из них. — Паровая машина, которая перевозит людей? Да кто полезет в такое чудовище!

МАРИЯ РУДНЕВА

— Вы такое тут нарисовали нам, — подхватил его товарищ. — А это же даже и не построить никак! Невозможная эта штука!

Мисс Амелия обратила внимание, что рука мистера Мирта словно бы по своей воле потянулась к кудрявой пряди у виска и начала ее наматывать. Было видно, что мистер Мирт нервничает, хотя он и старался это скрыть, что было весьма достойным поведением в его ситуации.

— Точно, никому такую машину не построить, да еще и повозки к ней прицепить! — выкрикнул кто-то из заднего ряда.

— Здесь вы не правы, господа, — торопливо заверил их мистер Мирт. — Дело в том, что паровая машина уже построена. Она находится в специальном ангаре, который в будущем превратится в часть выставочных павильонов. У нас все согласовано с мистером Анатолем Черчем.

— То есть вы никуда машину, значит, тащить не собираетесь?

— Нет, — терпеливо ответил мистер Мирт. — Она уже стоит в ангаре. Но рельсы будут проложены длинным круговым маршрутом. Вот в этих повозках...

Он взял в руки тонкую острую указку, указал на рисунки продолговатых повозок, похожих на кебы, но на колесах и без возниц.

— Вот в этих повозках — вагонах — я проведу особенных гостей выставки. Полотно дороги ляжет между павильонами выставки и дворцом Цикламенов.

— А кто будет ими управлять? — не удержалась мисс Амелия, хотя твердо решила молчать до того момента, пока не придет ее очередь.

— Тот же, кто сядет за руль паровой машины, — пояснил мистер Мирт. — Вагоны будут прицеплены к ней

Мирт. Истина короля

с помощью особых креплений. Таким образом паровая машина будет тягать за собой повозку так, как мул тянет за собой плуг. Ну, или лошадь — телегу.

— Ха! Придумаете тоже! Значится, от нас требуется вот такую махину по рельсам провезти и обратно вернуть, и все? — спросил один из рабочих. — А где подвох, мистер? Вы хоть за это платите?

Мистер Мирт назвал сумму.

Повисла тишина.

— Ну... За такое богатство и поводить можно... — выдал из себя все тот же рабочий.

Впрочем, уверенности в его облике не прибавилось.

Мистер Мирт оглядел собравшихся и сказал:

— Если вам в целом все ясно... Дальше я хотел бы продолжить беседу индивидуально.

— Это как? — нахально спросил все тот же рабочий.

— Это значит — с глазу на глаз, — любезно пояснил мистер Мирт. — С каждым из вас я поговорю наедине, а в конце нашей встречи сделаю выбор. Вы пока можете прогуляться по территории дома или же подождать за дверью.

Комната наполнилась шумом. Рабочие вставали, громко отодвигая стулья, потягивались, разминая кости, тянулись за табачными самокрутками и фляжками. Первым решил остаться тот самый рабочий — Эдвиг, который задавал вопросы, а все остальные высыпали на улицу. Тема для разговоров осталась у них одна — странная идея не менее странного мистера Мирта.

— Да кто он вообще такой? — спросил один из рабочих, раскуривая папиросу. — Кто-нибудь что-то слышал о нем до сегодняшнего дня?

— Я слышал, Люк, — сказал другой, отхлебывая из горла. — Говорят, он из семьи богача, который разорился пару лет назад. Кучу всего придумал, да даже у тебя дома

МАРИЯ РУДНЕВА

наверняка что-то из его штук да есть. Изобретатель, что-то вечно чинит, удобно устроился при Парламенте. А теперь вот чё выдумал...

— Да, с такими-то покровителями — что ж не выдумать? Слыхали, сколько платить вздумал?

— Слыхали-то слыхали, а все равно подозрительно это все...

— Эй, а где девчонка? Тоже тут же была?..

Мисс Амелия предпочла не дослушивать и скрылась в доме. Стоять на крыльце в компании подобных мужчин она сочла для себя неприличным — хотя в целом не чуралась мужского общества, как иные из ее подруг.

Обстановка особняка казалась запущенной. Здесь не чувствовалось женской руки — кажется, у мистера Мирта не было ни жены, ни даже приходящей домработницы. Мисс Амелия с интересом рассматривала живописную паутину, художественно раскинувшуюся поверх газового светильника и механических часов.

Внезапно ее отвлек какой-то шум. Она резко обернулась. Серая каменная горгулья, охраняющая двери в зал, сменила позу.

Определенно сменила.

Передние лапы в другом положении, да и чешуйчатые крылья были сложены, а теперь вот-вот норовят раскрыться.

Мисс Амелия побледнела и подумала, что надо выйти на воздух — подышать. В заваленном разным хламом особняке было нестерпимо душно. Видимо, мистер Мирт был не из любителей заниматься частым проветриванием.

Она поторопилась выйти в заросший, не видевший руки садовника сад и встать подальше от расшумевшихся мужчин. Впрочем, рабочим было сейчас не до нее: они

Мирт. Истина короля

ожесточенно спорили, имеет ли безумная, по их мнению, затея мистера Мирта право на жизнь.

— Да не поедет эта штука! — кричал один, комкая в руках клетчатое кепи.

— А может, и поедет, — заметил другой, затягиваясь папироской. — Только мы-то здесь при чем?

Мисс Амелия отвернулась.

Ей не хотелось признаваться даже самой себе, что идея паровой машины захватила ее. А вдруг мистер Мирт остановит свой выбор на ком-то из этой толпы, насмехающейся над ним и его изобретением за спиной?

Все решит судьба. Она — Амелия Эконит — никак не может повлиять на мистера Мирта, кроме тех нескольких минут, в которые будет общаться с ним наедине.

Она вздохнула. Тугой корсет, который она надевала для выходов в свет, больно сдавил ребра.

Хоть бы все получилось, подумала она. Хоть бы я смогла...

* * *

Мистер Мирт проводил очередного кандидата до двери и помедлил перед тем, как звать следующего.

Все они как под копирку шли — одинаковое прошлое, одинаковое настоящее и никаких перспектив в будущем. В первую очередь — никакого огня в глазах, никакого желания создавать себе будущее, ловить дыхание прогресса...

Никто из них не подходил.

Никто не был тем самым.

— Что ж, Поуп, — пробормотал он, поглаживая каменную горгулью по шершавому затылку. — Остался последний кандидат. Эта милая мисс... Возможно ли, что женщина превзойдет десяток мужчин?

Не дожидаясь ответа, мистер Мирт вышел на крыльцо. Мисс Амелия ждала его в стороне.

МАРИЯ РУДНЕВА

— Мисс, — негромко позвал он. — Я был бы рад поговорить с вами теперь. Простите, что заставил вас так долго ждать.

— Ничего страшного, мистер Мирт, — улыbnулась она. — У вас чудесный сад.

— Запущенный... — смутился мистер Мирт. — Простите, мисс...

— Ничего, я люблю заросшие сады, — она протянула руку. — Эконит. Мисс Амелия Эконит к вашим услугам.

Мистер Мирт осторожно пожал хрупкую ладонь вместо того, чтобы прикоснуться к ней губами, и по смягчившимся чертам лица понял, что угадал.

— Прошу вас.

Провожая мисс Амелию обратно в залу, он заметил, как она с опаской покосилась на горгулью, проходя мимо, и незаметно показал Поупу кулак.

Памятуя о случившемся споре, он позволил мисс Эконит самой пододвинуть себе кресло и сел напротив, обхватив руками колено.

— Что ж... Буду с вами откровенен, мисс Эконит. Я поговорил с десятью прекрасными работниками и ни один из них не приблизился к моему пониманию идеального водителя паровой машины. Вот почему с вами я буду говорить с особым пристрастием. И в первую очередь спрошу у вас вот что: почему вы пришли?

— Вы спрашиваете об этом, потому что я женщина? — усмехнулась мисс Эконит.

— И поэтому тоже, — не стал кривить душой мистер Мирт. — Вы выделяетесь на фоне прочих женщин — как минимум потому, что ни одной из них не пришлось в голову откликнуться на мое объявление. Вы механик?

Он спросил без перехода, быстро, не давая гостье опомниться.

Мирт. Истина короля

— Дочь механика и изобретателя, — кивнула мисс Эконит. — Я детства вожусь с механизмами.

— Что ж... — мягко улыбнулся мистер Мирт. — Почему-то именно так мне и показалось. Теперь хочу узнать следующее: вы слушали меня очень внимательно. Понимаете ли вы, что за открытие я несу в мир?

— О да! — горячо проговорила мисс Эконит. — Понимаю прекрасно. И если вы вдруг решите остановить свой выбор на мне — я буду счастлива быть первой женщиной, которая не просто поднимется в вагон и проедет по маршруту, но той, кто проведет поезд не только вокруг дворца Цикламенов... но и по всему маршруту до Эденесбурха!

— А в вас есть амбициозность! И мне это нравится.

— Мистер Мирт!

— Прошу, зовите меня Габриэль.

— Хорошо... Габриэль, послушайте, вы сказали, что никто из этих мужчин вас не порадовал. Так зачем вам мужчины? Я так же, как и они, умею водить кеб и управляться с лошадью. Я способна собрать часы или светильник. Мои руки не боятся ни ножей, ни отверток. И уж точно я не испугаюсь вашей паровой машины — потому что с тех пор, как я о ней услышала, я не могу мечтать ни о чем другом, кроме как стать ее водителем.

— А я не вижу причины вам отказать, — мистер Мирт заправил за ухо непослушную прядь волос.

— Правда?

Голос мисс Эконит звучал так неверяще-счастливо, что мистера Мирта захлестнула радость — просто от того, что это его решение вызвало такое выражение на ее прелестном лице. Впрочем, брать он ее собрался совершенно не за лицо.

Эконит.

Конечно.

МАРИЯ РУДНЕВА

Гилдерой Эконит, погибший три года назад.

Дочь Гилдероя Эконита — водитель паровой машины Габриэля Мирта. Это определенно достойно того, чтобы открыть новую страницу истории.

— В таком случае я сейчас отпущу остальных кандидатов, и мы с вами обсудим все детали, — быстро проговорил он, словно боялся, что девушка передумает. — Поуп, поухаживай за дамой.

Он быстро вышел за дверь, краем глаза отметив, что, когда каменная горгулья вошла в дверь с чайником в когтистых лапах, мисс Эконит даже не закричала.

Просто тихо осела в кресло, посмотрела на Поупа и проговорила:

— Пожалуйста, с молоком и сахаром. Две ложки с горкой.

Я точно в ней не ошибся, подумал мистер Мирт и счастливо зажмурился.

Определенно, эта девушка сулит ему удачу.

Из дневника Джеймса Блюелла

Хань, июль, 18** год

...Будь я проклят, если не исполню своего предназначения сейчас. Иначе я никогда не достигну цели. Я перестану считать самого себя человеком жестки, если хотя бы что-то заставит меня отступить от задуманного.

Слишком долго я жил, скрываясь.

Мои покойные отец и матушка, несомненно, только обрадовались бы, узнав, что я жив. Но за каждым месяцем жизни в изгнании стоят муки совести. Как могу я, после того как поступили со всеми нами, просто отсиживаться в безопасности? Я должен что-то сделать. Я должен наказать захватчиков.

И вернуть себе трон.

Меня ведет только чувство справедливости. Я стараюсь не думать о себе. Я хочу, чтобы были наказаны злодеи, совершившие такое с невинными людьми — с моей семьей, с моими братьями и сестрой, с родителями и всеми нашими родственниками.

Пусть мои родители гордились бы мной и так — я не могу испытывать ничего, кроме стыда, за то, что до сих пор жив и ничего не предпринял, ничего не сделал с этим даром судьбы.

Ведь жизнь дана мне не просто так...

МАРИЯ РУДНЕВА

Уже шесть лет, как я скрываюсь в Хань.

За эти шесть лет я прошел через несколько войн, но так и не приблизился к своей главной цели. Я на хорошем счету у императора, но у себя на родине я считается мертвым. Могу ли я смириться с этим? Нет.

Кровь Блюделлов кипит во мне и взывает о мщении.

Я веду единственный, кто остался.

Я прошел столько сражений без единого ранения, что у меня не осталось сомнений — это фаз берут меня, даже в изгнании фаз ждут, что я вернусь и возьму свое.

У тех, кто занял мое законное место, нет и капли крови фаз в жилах, но они считают, что могут диктовать свои условия по праву сильных.

О нет.

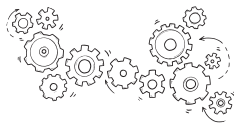
Ничего они не могут, и я это докажу.

Завтра утром корабль отправится в Лунденбурх.

Я ступлю на его палубу, и в этот миг встанут и сорвут до горстки перла все мосты, которые только останутся за моей спиной. Все распоряжения отданы. Император прикипел ко мне как к снычу и с тяжелым сердцем отпустил, но и он понимает, что власти надо мной не имеет.

Никто не может удержать меня на моем пути мести и крови. Никто.

МИРТ. ИСТИНА КОРОЛЯ

Я буду осторожен.

*Буду действовать с ояздкой, сдерживать свой нрав
и делать все аккуратно. Нельзя позволить чувствам
взять верх надо мной — мне предстоит обуздать их,
чтобы добиться своей цели.*

Скоро весь мир услышит обо мне.

Это будет оень, оень громко.

Глава 2

БЕЙ ИЛИ БЕГИ

Ну кого еще принесло? — ворчливо спросил Джон Органс, выбираясь из мастерской.

Выход оказался намертво перегороженным сваленными в кучу листами железа. Органсу пришлось изогнуться и в два гигантских шага преодолеть препятствие, о котором он успел совершенно позабыть.

Впрочем, стоило ему увидеть гостя, и груда железа вместе с прочими делами отошла на второй план.

— Снова барахлит? — сочувственно спросил он.

Гость кивнул.

Он сидел на диване, скромно сложив руки на груди. Как и все ханьцы, он отличался небольшим ростом и способностью занимать мало места. Ни механическая рука, ни пластина, закрывающая искусственный глаз и половину головы, не могли повлиять на способность казаться незаметным.

Однако Органс его замечал. Еще как замечал, ведь именно ему приходилось раз за разом исправлять несовершенства механических протезов.

— Что произошло? — требовательно спросил он, оставаясь перед ним. — Цзиянь?

— Упал, — кратко ответил Юй Цзиянь, не поднимая глаз.

Органс нахмурился. Знал он, как иной раз Цзиянь «падал». Равно как и знал отношение лунденбурхцев к ханьским выходцам.

Широко распространялось мнение, что ханьцам не место на священной земле фаэ. Парламент только разжигал ненависть между народами, никак не пытаясь исправить ситуацию. А все потому, что император Хань пытался предоставить убежище королевской семье.

Теперь ненависть распространялась на всех ханьцев — даже тех, кто давно оставил родную землю.

Впрочем, Органс был уверен, что история с королевской семьей — всего лишь оправдание для предрассудков, позволяющих ненавидеть кого-то за другие черты лица или цвет кожи. Или акцент, едва заметный во время разговора.

Много ли людям надо...

Органс сжал кулаки.

Хотелось выгнать из Цзияня все приметы и отправиться потолковать по-мужски, с глаза на глаз, но не расскажет же.

И как его угораздило подружиться именно с таким гордым, закрытым и немногословным человеком, как Юй Цзиянь?

— И насколько сильно вы упали? — охрипшим от ярости голосом спросил он.

Цзиянь повернул голову, показывая покореженную пластину, заменяющую ему часть лба и щеки. Искусственный глаз закатился под металл, делая лицо Цзияня еще более жутким.

— Пойдемте-ка в мою мастерскую, — выдохнул Органс, взяв себя в руки. — Попробуем вас починить.

— Там, кажется, сильно сломалось, — виновато проговорил Цзиянь.

— Сильно — не сильно, разберемся, — проворчал Органс. — И за что мне такое горе?

В конце концов, подумал Органс глядя, как Цзиянь преодолевает препятствия перед дверью, могло быть и хуже. Цзиянь мог остаться со страшным шрамом и без глаза.

МАРИЯ РУДНЕВА

Цзиянь мог просто не выжить.

А мелочи вроде погнутых деталей и механизмов, позволяющих ему видеть и существовать, — сущие пустяки. Джон Органс справлялся и не с таким.

* * *

Юй Цзиянь уже сотню раз проклял сегодняшнее решение выйти из дома. Он провел все утро за разбором писем и хотел размяться, прогулявшись вниз по Ризен-стрит до Роуз-парка.

Сразу за порогом его подстерегали едва ли не все лунденбургские приметы, сулившие несчастье. Черная, как ночь, кошка перебежала дорогу и едва не запуталась в ногах — Цзиянь с трудом удержал равновесие. И в следующий момент, не успев перевести дух, с крыши соседнего дома упал кусок черепицы.

— А еще древняя столица фаэ, — пробормотал Цзиянь, осторожно обходя рассыпавшиеся по булыжной мостовой куски глины.

Теперь он думал, что все это было не случайно.

Суеверные жители Лунденбурха могли перенести встречу или отменить дела только из-за того, что с ними случилась какая-то из примет.

Возможно, вернись он домой и продолжи заниматься делами — ничего страшного с ним не произошло бы. Признаваясь Органсу в случившемся, он в самом деле слегка приукрасил события — ему не хотелось лишний раз пугать друга. Слишком уж близко к сердцу принимал он все, случаемся с ним.

Цзиянь не прошел и квартала, как из-за поворота показались трое. Судя по виду и потрепанной одежде — рабочие, которых в этом районе города было большинство.

Мирт. Истина короля

В основном они работали на угольных шахтах, а те, кому не хотелось задыхаться в пещерах, считали большой удачей стать водителем кеба или торговой повозки.

Судя по чистым рукам и жилетам — как раз возниц Цзиянь и повстречал. Он хотел проскользнуть мимо них, но трое мужчин шли рядом, перекрывая дорогу, и явно не собирались уступать дорогу не вовремя подвернувшемуся прохожему.

— Нет, вы подумайте! Он просто взял и развернул нас — мол, спасибо за интересную беседу, я свяжусь с вами, если сочту необходимым. Ну каков наглец! — горючил один, сминая в пальцах папиросу.

— Согласен, несусветная наглость! — вторил его товарищ.

— Оторвал от дел честных людей! — восклицал третий, пересыпая речь отборными ругательствами. — Тащились, ждали, а все зачем? Чтобы нас вытурили из-за профурсетки!

— И чем только его взяла...

— Известно чем! Юбками да тем, что девицы под юбками прячут, тьфу, ярость одна берет!

— Так у нее ж там небось штаны!

Троица шла вперед, словно не замечая Цзияня.

Тот, что крутил папиросу, толкнул его в плечо. Цзиянь пошатнулся, но устоял на ногах.

— Простите, мистер... — попытался возмутиться он, и тотчас же твердые пальцы впились ему в плечо.

Цзиянь носил шляпу и длинные волосы, скрывая пластину и искусственный глаз, а механические детали тела прятал под сюртуком и перчатками. Но при такой хватке рабочий не мог не почувствовать металл.

— Хэй, парни! Да он из этих... Из прогрессивных! — крикнул он и захохотал.

— Оставь, Джо! — попытался одернуть его приятель, но тот только отмахнулся.

МАРИЯ РУДНЕВА

— Нет, вы гляньте, Рик, Томас! Кто это тут у нас такой металлический! — Он толкнул Цзияня к стене.

Цзиянь ударился об стену — живое плечо пронзило болью. Цилиндр упал в грязь, скопившуюся в щербинах между булыжниками.

— Да вы поглядите! — зло обрадовался Джо. — Ханец!

Джо схватил Цзияня за подбородок, с силой поднял его лицо. Теперь скрыть металлические пластины на месте шрамов не представлялось возможным.

— Ур-род, — сплюнул Джо. — Вот из-за таких уродов, как ты, Бриттские острова скоро пойдут ко дну.

— Джо, послушай, — Рик мягко взял его за локоть, намереваясь отвести в сторону, но Джо грубо оттолкнул его.

— Не желаю ничего слушать! Все из-за таких, как он. И девка тоже — были нормальные девки, а теперь что творится? Где видно, чтобы девки унижали мужчин?

— Он тут при чем?

— Да ты посмотри на него! Уродец цирковой, а расхаживает по нашей — по мужской, по бриттской! — земле фаэ как у себя в уродливой Хань!

— А чё металлический? — вдруг встрял Томас.

Видно было, что и ему не терпелось на ком-то сорвать злость.

Цзиянь не вполне понимал причину такой злобы, но это было и ни к чему. Что бы ни вызвало такого отношения со стороны рабочих, они в любом случае намеревались выплеснуть ее здесь и сейчас — раз подвернулась подходящая жертва.

Память любезно предоставила похожий случай, и голос, уверенно шепчущий на ухо: «*Либо бей, либо беги. Третьего не дано*».

Бить Цзиянь не умел и не желал учиться — как бы ни требовали обратного обстоятельства. Потому для него никогда не оставалось выбора. Он развернулся и бросился

Мирт. Истина короля

вниз по улице в надежде, что рабочие не сразу сообразят, что случилось. Он недооценил их ловкость.

— Ты это куда? — Томас схватил его за запястье, скрипевшись, когда голые пальцы коснулись металла. Перчатка задралась, обнажая металлический корсет. — Мы с тобой не договорили!

— Говорю же, вежливости их еще учить и учить! — рявкнул Джо. — Поприезжали тут, желтомордые... Ууу, морда, бесишь!

— Но не так бесишь, как девчонка, — добавил Томас.

Цзиянь бросил испуганный взгляд поверх их плеч — на третьего, не вмешивающегося пока рабочего. Кажется, его звали Рик.

Их взгляды пересеклись. Цзиянь молча умолял о помощи — уйми своих товарищей, ну же, никто не хочет проблем... Рик пожал плечами и отвернулся.

— Девчонка свое получит, — пообещал Джо. — Но сначала разберемся с этим.

Первый удар пришелся по металлической скуле. И сразу за ним второй — по живому. Цзиянь тихо выдохнул, прикусив губу от боли. Он не мог бить в ответ — и дело не только в том, что он был слаб. Мысль о том, чтобы причинить боль живому существу, противоречила его натуре.

«Глупец. А если зверь придет тебя убивать?»

Даже когда звери пришли убивать.

Но Цзиянь сомневался, что рабочие в самом деле убили бы его... нарочно. Вот в случайность верил — об этом говорили их упоенные лица в тот момент, когда они били его, нанося хаотичные, болезненные удары. Удар коленом в живот лишил воздуха, удар локтем по спине вышиб искры из глаз.

Долго так не протянуть — Цзиянь это понимал, как понимал и то, что шанс на побег упущен. Его держали креп-

МАРИЯ РУДНЕВА

ко, зажимали у стены, и вырваться не представлялось возможным.

Томас схватил его за волосы и, оттянув голову, с силой ударил лицом об стену. Металлическая накладка лязгнула, но выдержала. Цзияню не хотелось думать о том, что будет, если им придет в голову содрать с него железные детали. Томас протащил его лицом по стене и откинул на руки к Джо, чье колено пришлось ровно на почки.

— Парни! — сипло крикнул Рик.

Цзиянь не видел вмешавшегося — только трость, взмывшую в небо и опустившуюся на голову Джо. Цзиянь воспользовался тем, что хватка ослабла и Джо мешком осел на землю, и бросился вниз по переулку, не разбирая дороги. Вылетевший из-за поворота кеб задел его и уронил в грязь, протащив за собой. Лошади поднялись на дыбы, но возница, ничего не заметив, ударил их кнутом. Цзиянь пытался понять, что происходит. А вышло то, что фалда сюртука зацепилась за металлическую подножку кеба, и он едва успел выпутаться из сюртука. Инерция закрутила его, и он упал на пыльную землю.

Сюртук развевался как флаг — подножка держала крепко. Дрожа, Цзиянь встал на колени, отдышался и осторожно поднялся на ноги.

— Вот дела, — усмехнулся он. — Дважды чуть не погиб за какие-то полчаса.

Он обернулся.

Никому не было до него дела.

Незнакомец — спаситель! — исчез, рабочие были заняты тем, что приводили в чувство Джо. Цзиянь, прищурившись, разглядел кровь на бритом виске Томаса. По всему видно, что от трости им неплохо досталось.

Цзиянь пошатнулся и пошел вперед, не дожидаясь, пока о нем вспомнят. Лицо саднило, в пояснице неприятно простреливало, но надо было идти. Некогда ощупывать

Мирт. Истина короля

себя и выяснять, не переломали ли ему кости булыжники Ризен-стрит.

С мечтой о безмятежной прогулке среди цветущих розовых кустов пришлось расстаться. Цзиянь не понимал, насколько сильно повреждено тело, но металлическим деталям пришлось однозначно хуже. А во всем Лунденбурхе был только один человек, которому он мог доверить свои протезы.

Джон Органс.

Его мастерская находилась в паре кварталов — около получаса неспешным шагом. Цзиянь подумал было, что неплохо бы поймать кеб, но вспомнил, как, должно быть, красиво выглядит, разукрашенный сначала тремя рабочими, а потом мостовой. Цилиндр он тоже успел потерять в потасовке, и вид имел совершенно неприличный.

Будучи ханьцем, Цзиянь старался соблюдать приличия вдвойне. Это лундербуржцы позволяли себе отход от традиций — особенно после того, как случился Призыв Просвещений. Но, как говорили элладцы, что дозволено Юпитеру, не дозволено быку.

А что дозволено жителям Бриттских островов, с рождения впитывающих силу фаэ и соль земли, то недозволено ханьцам. Особенно таким, как Цзиянь.

Прихрамывая, Цзиянь свернул с Ризен-стрит и направился в сторону мастерской Органса.

Только бы он оказался дома.

Только бы не отказался помочь.

* * *

Джон Органс очень удивился бы, скажи ему кто-нибудь, что он может отказать Юй Цзияню хоть в чем-то.

Их дружба, хоть и не была проверена годами и невзгодами, все-таки была довольно крепкой. Потому что нет

МАРИЯ РУДНЕВА

крепче дружбы, чем та, что связана общими интересами. В интересы Джона Ортанса входило обеспечение полной функциональности механизмов Юй Цзияня. В интересы последнего входила жизнь, за которую тот порой цеплялся с упорством утопающего, то ли разучившегося плавать, то ли никогда не умевшего.

Для Ортанса оставалось загадкой, кто, когда и — главное — по какой причине сделал это с Цзиянем. Правая рука, легкое, бедренная кость, ступня и глаз. Набор механических протезов удивительно тонкой работы...

Юй Цзиянь не говорил о прошлом.

Уходил от любых вопросов, переводил тему, резко замолкал — но никогда не отвечал ни на прямые вопросы друга, ни на очень хитрые, заданные исподволь, словно бы просто так.

Все, что Ортанс знал, — это то, что Цзиянь как-то попал в мясорубку, связанную с побегом королевской семьи в Хань. Именно в то время и произошло что-то (Ортанс подозревал взрыв), что искорежило Цзияня, но не убило. И нашлись умельцы, заделавшие прорехи — вот только кто бы они ни были, они остались в Хане.

И не было человека, кроме Джона Ортанса, кто мог бы теперь помочь Цзияню.

Протезы оказались несовершенными.

Кто бы ни был столь талантливым, чтобы создать их, он явно планировал их как временную меру — до появления более совершенных технологий или же совершенного лечения. По причине, Ортансу неизвестной, этим планам не суждено было сбыться. И Цзияню приходится жить с тем, что есть.

— Не хотите рассказать, как именно упали? — спросил он, сдвигая на нос очки с регулируемыми линзами — совершенно необходимый в такой тонкой работе инструмент.

Цзиянь опустил в кресло и положил руку на железные подпорки. Органт принялся раскручивать болты тонкой отверткой.

— Ничего особенного. Просто... Не вовремя решил погулять.

— В этой фаз забытой стране сложно понять, когда удачный момент, а когда нет, — пробормотал Органс и продолжил работу.

Он знал, как его друг ненавидит жаловаться. Признавать слабинку. Быть уязвимым. И оттого сложнее становилось помочь ему хоть с чем-то: Цзиянь словно считал, что должен перед всем миром выстоять один.

Или перед какими-нибудь уродами-расистами, считающими, что на Бриттских островах есть место только для потомков фаз. Хотя уж как-то раньше здесь уживались и с эллинами, и с франками. Чем ханьцы так не угодили?

— Все было бы хорошо, если бы не кеб, — сказал вдруг Цзиянь.

Органс дернулся от неожиданности и едва не поцарапал концом отвертки металлическую пластину протеза. Цзиянь умел так молчать, что словно пропадал из пространства и возникал вновь — неожиданно для собеседника.

— Кеб в самом деле был? — усмехнулся он. — Только кеб?

— Не только, — ответил Цзиянь. — Но если бы не было кеба, я бы остался при сюртуке... И намного более целым.

— Все потому, что эти возницы слишком гоняют, — кивнул Органс. — И совсем не сдерживают лошадей. Ничего, рано или поздно кто-нибудь заменит животных машинами. Все к этому идет. Будут ездить паровые кареты, медленно вписываясь в повороты. И никаких несчастных случаев.

— А у карет будут возницы?

МАРИЯ РУДНЕВА

— Конечно.

— Тогда несчастные случаи будут, — жестко произнес Цзиянь и снова замолчал.

Ортанс пожал плечами и вернулся к работе.

Протез состоял из нескольких металлических пластин, подвижных и повторяющих форму руки. Часть из них заходила на пальцы, из-за чего Цзияню тяжело было левой рукой писать или брать что-то со стола. Нервные окончания в его пальцах потеряли чувствительность, поэтому благодаря протезу он мог хоть что-то. И все же хорошо, что это была не правая рука.

Одна из пластин оказалась покоржена — так, словно кто-то проехал по ней копытом. Или колесом. Или даже с силой наступил тяжелым ботинком. Ортанс поцокал языком. Одно дело — пересобрать пластины и проверить крепления, и совсем другое — полностью заменить часть чужой технологии. Не то чтобы ему ни разу не приходилось это делать, но каждый раз сопровождалось проблемами.

Он распрямился и подкрутил линзы очков.

— Сидите и не двигайтесь, — велел он.

Цзиянь не пошевелился. Ортанс отвел прядь смоляных волос с его лица, чтобы рассмотреть пластины на лице. И здесь погнуто, вылетело несколько креплений, и из-под разошедшихся кусков металла проступает обожженная кожа.

Без потерь была только шея. Цзиянь ослабил галстук, чтобы Ортансу проще было проводить осмотр, но механик уже убедился — там все крепко.

— Раздевайтесь. Мне нужно посмотреть, что с грудной клеткой. Крепко вас приложило...

— Поверьте, Джон, это еще ерунда, — невесело усмехнулся Цзиянь, вставая с кресла.

Пуговицы жилета и рубашки он расстегивал одной рукой, не решаясь напрягать травмированную. Вскоре

Мирт. Истина короля

Ортанс рассматривал вмятину на широкой пластине, закрывающей треть грудной клетки и буквально впаянной в нее: здесь механика креплений была особенно сложной. И, по мнению Ортанса, жестокой. Какую же боль должен был терпеть человек, что прямое соединение металла и живой кожи кажется ему... допустимым?

Цзиянь никогда ему не рассказывал. И Ортанс сомневался, что когда-нибудь узнает ответ.

* * *

Юй Цзиянь терпеливо ждал, пока Ортанс закончит осмотр.

Ему ничего не оставалось, кроме как надеяться на волшебные руки друга, которым поддавался любой механизм, и на то, что утреннее происшествие не сильно навредило протезам. Он привык ходить с металлом в теле. Привык двигать механической рукой как родной и смотреть одним глазом, и даже привык к тому, что они все время ломаются. Но заменять детали ему еще не доводилось.

— Боюсь, кое-что надо заменить, — с сожалением сказал Ортанс.

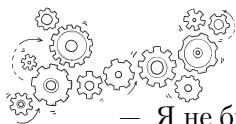
Цзиянь похолодел.

— Да все не так страшно... — начал он.

— Цзиянь! — Ортанс поднял руку. — Друг мой, вы сильно пострадали. Сильнее, чем пытаетесь мне показать. Совершенно зря: вы же не будете пускаться в бесполезную браваду перед доктором? Вот и передо мной не стоит. Я ваш механический доктор.

— И какой диагноз мне поставит мистер доктор? — улыбнулся Цзиянь краешком губ.

— Слишком гордый и вспльчивый нрав. С этого начинаются почти все проблемы, мистер Цзиянь. Или вернее — хоу Цзиянь?

МАРИЯ РУДНЕВА

— Я не был хоу.

— А кем же были?

— Военным. — Это был первый раз, когда Цзиянь открыл при нем завесу тайны своего прошлого.

— Так в чем разница?

— Хоу — титул, до которого я не успел дослужиться, вот и все, — пожал плечами Цзиянь. — А теперь ни о каких титулах и званиях и речи не идет, я живу здесь буквально на положении беженца, и вам это известно. Пройдет совсем немного времени, и Парламент решит разорвать все отношения с Хань, лишь бы успокоить народ. Признаться, от этих мыслей я падаю духом.

— А вы не падайте. Мне меньше работы будет, — Органс с улыбкой потрепал его по плечу, но глаза оставались серьезными.

— Что, без замены никак? — снова сник Цзиянь.

Органс покачал головой.

— Металл, из которого сделаны ваши протезы, не рассчитан на... столкновение с кебами. И на все прочее. Тот, кто вас лечил, не думал, что к вам применимо какое-либо физическое воздействие, так? У вас была неприкосновенность?

— Вроде того. Но выбора, скажем так, тоже не было.

— Я мог бы что-то подправить и сам. Из того, что есть в мастерской. Но это кажется мне ошибкой.

— Что? Почему?

Органс убрал руки за спину и принялся шагать взад-вперед по мастерской.

— Слишком тонкая, иностранная работа. Если я примусь восстанавливать вас сейчас, я могу напортачить. А этого я хочу меньше всего на свете.

— Вы можете заказать нужные детали.

— Мог бы. Да не могу. Это займет месяцы. Если не растянется на годы. Вы сами знаете, как обострились отно-

Мирт. Истина короля

шения с Хань. И раньше поставки были редкими, а сейчас я не уверен, что могу официально выйти на своих поставщиков. По крайней мере, не вызывая лишних вопросов.

Цзиянь сжал в кулаке рубашку.

— И что вы предлагаете?

— Есть только один выход. Мы добудем нужные детали. Но для этого мне придется отправиться в не самые приятные районы нашего города.

Цзиянь побледнел.

— О, нет. Только не контрабандисты.

— О, да, — широко улыбнулся Органс. — Если кто и может помочь нам быстро и тихо — только они. Контрабандисты в лунденбурхском порту. Навещу их, пожалуйста, сегодня же.

— Я отправлюсь с вами!

— Друг мой... Это плохая идея. Очень плохая.

— Вопрос не обсуждается.

Цзиянь отвернулся и принялся застегивать на себе рубашку. Позволить спасти себя, а самому отсиживаться дома — этого он допустить не мог. В конце концов, он не дама в беде, хоть с ним и происходят порой несчастья, он способен за себя постоять.

Это он и намеревался доказать Джону Органсу.

ИЗ ДНЕВНИКА ГАБРИЭЛЯ МИРТА
ЛУНДЕНБУРХ, АВГУСТ, 18** ГОД

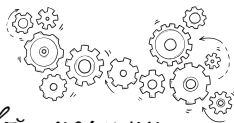
...подумать только, мечта, еще пару лет назад казавшаяся несбыточной, вот-вот обретет плоть и кровь. Я стою на пороге открытия, которое перевернет этот мир. Я буду первым, кто сошьет действующую паровую машину.

И тогда мир преобразится. Мы сможем отправляться на дальние дистанции и преодолевать их в считанные часы. Сколько времени освободится для жизни, творчества, поисков, любви!... Для всего того, что отнимает у человека бесполезная дорога.

Многие говорят, это неплохо бы сочинить такой кеб, чтобы передвигался без лошадей. Или крылья, чтобы летать по небу, подобно Икарю. Все эти разговоры отменяет их несбыточность. Но оттого ли они несбыточны, что их невозможно воплотить в реальность? Нет! Несбыточны лишь оттого, что, говоря об этом, никто не пытается воссоздать свои фантазии.

Никто, кроме Габриэля Мирта! И, конечно, моего безвременно погибшего коллеги Тилдероя Эконита. Признаться, многими его наработками я пользовался.

МИРТ. ИСТИНА КОРОЛЯ

ся во время работы над созданием паровой машины. А его письма с бесценными советами не раз и не два удерживали меня от ошибок.

Тилдероя Эконита за глаза называли «метательным безумцем». Что ж, наверняка и мне в скором будущем светит подобное прозвище. Ничего не знаю и знать не хочу! Я творю будущее. В том числе и в честь Тилдероя.

Пусть его смерти будет не зря.

В скором времени я представлю свое технологическое чудо, получу признание, создам себе имя — кто сейчас знает Табриэля Мирта! — а потом начну превращать в жизнь иные свои планы. Трясет новая эпоха!..